

The background of the cover is a futuristic landscape. In the upper left, a large, glowing blue planet with white and yellow bands is partially visible. The sky is a deep, dark blue with numerous small white stars. Below the sky, there are dark, jagged mountains or hills. The foreground is a dark, reflective surface, possibly water or a polished floor, that mirrors the sky and the planet. The overall color palette is dominated by various shades of blue and black.

Албард

16+

Алексей Курилов

Алексей Курилов

Албард

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63919702

SelfPub; 2021

Аннотация

Люди стали такими какие они сейчас в результате многих лет эволюции. Но, несмотря на это, жизнь может зародиться и в других условиях. Быть может даже в совершенно немыслимых условиях.

Содержание

Глава 1. Албард	4
Глава 2. Смерть звезды	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алексей Курилов

Албард

Глава 1. Албард

Шакин медленно плавала кругами и ей было приятно чувствовать тепло Авала, нет, ее оболочка ни в коем случае не касалась его, ей просто нравилось играть с ним. Стараясь не делать резких движений, медленно отталкиваясь только хвостом она словно впитывала его тепло и вибрации всем своим телом.

– Ты позвал меня, чтобы сказать что-то и до сих пор ничего не сказал... – Сказала Шакин, чувствуя, как ее спинной плавник предательски завибрировал, но слава ядру это осталось незамеченным.

– Шакин, я много думал и мне кажется, я кое-что понял... – Авал словно разговаривал сам с собой, говорил тихо и не направленно

– Авал, если тебе не трудно, направляй волны прямо на меня, мне так будет лучше слышно. – Сказала Шакин, на самом деле просто стесняясь.

– На тебя? Ты думаешь, нас может кто-то подслушивать? – Авал не считал, что кого-то может заинтересовать их разговор, тем не менее сфокусировал свои эмиттеры в сторону

Шакин.

– Ну же, не томи, что ты собирался сказать? – Шакин прекратила свои бесконечные вращения и остановилась лицом напротив лица Авала. Ее электрорецепторы были столь возбуждены, что она чувствовала, как думает Авал, как его мысли то вспыхивают, то утихают. Она даже чувствовала, как вдалеке проплывает стайка мелкой айоли, но сейчас ей было совершенно не до еды.

– Мне кажется, что мы все ошибаемся... А еще, мне кажется, что я нашел доказательства. – Еле слышно сказал Авал.

– Дурак! – Обидчиво сказала Шакин, чуть громче чем оно того требовалось и Авал поморщился от тока, что прошел по его коже. – Я думала ты хотел сказать... Что ты и правда собирался что-то мне сказать, а ты... Святое ядро, да когда же ты повзрослеешь, когда начнешь уже думать, как взрослый!

– Я и есть взрослый! Я не так стар, как Кадим, но в этом моя сила! Я вижу больше, я чувствую лучше, я могу думать иначе, понимаешь?

– О да, ты думаешь совершенно иначе – потому что ты глуп! – Шакин перевернулась через себя и с силой махнув хвостом у самого лица Авала умчалась прочь.

Надо подождать, надо просто дать ей время отойти, прийти в себя и успокоится – подумал Авал. Конечно, она ожидала другого разговора, ей было интересно проводить время с ним, вместе плавать, охотится, кушать. Они еще ни разу не

засыпали вместе, это считалось предосудительно до официального объявления себя парой. Вот только Авалу сегодня было совсем не до этого, его постоянно терзала одна и та же мысль, словно трещина в сознании. Пока он был занят повседневными делами, все было нормально, но стоило ему остановить ход событий, отвлечься на собственные мысли и его снова начинали одолевать мысли. Словно мелкая царапина от косточки во рту, она болит, когда ее трогаешь языком, и казалось бы, зачем это делать, но ты постоянно ее касаешься.

Конечно, он знал то, что рассказывали родители и преподавали в школе, это была официальная версия и было неясно, чего в ней больше религии или науки. Официально считалось, что очень давно, несколько миллионов лет назад появилось великое ядро. Впрочем, великим оно стало только ради того, чтобы перестать быть святым. А затем это самое ядро начало нагреваться за счет реакции внутри него, сейчас уже всем известно, что это реакция деления ядер тяжелых металлов, но святоши до сих пор считают эту реакцию просто чудом. И вот оно нагревалось, и начало растапливать лед вокруг себя, образуя воду. Вода, в свою очередь, передавала тепло дальше и растапливала лед все дальше и дальше. А поскольку этот процесс не мог быть бесконечным, в какой-то момент он остановился. Так появилась живая вода, правильнее говорить жидкая вода, но каноническое название именно “живая вода”.

А дальше все просто, благодаря радиации появились про-

стейшие, затем они миллионы лет мутировали и дошли до того, что стали сложными, а главное разумными существами. В итоге получается, что есть ядро, которое генерирует тепло, есть вода, которая поддерживает жизнь и есть бесконечная мерзлота во все стороны. Религия утверждает, что мы есть чудо великого сотворения и должны гордиться своей участью. А ученые говорят, что возможно, где-то там, далеко во льдах есть другие ядра и они могут быть также обитаемы. Никто ничего доказать не может, две версии которые борются друг с другом со времен сотворения мира иногда приходя к компромиссам. Но что-то не укладывалось в эти представления.

Например, зачем мы спим? Почему все живые существа, ну кроме одноклеточных, спят? Официально считалось, что мозгу требуется время на отдых, но почему чередование сна и бодрствования были примерно равны у всех живых организмов? Религия описывала это очень просто, чтобы мы не съели друг друга и не разрушили великий замысел святого ядра. Ученые объясняли этот процесс синхронизацией электрических импульсов. Якобы мы питаемся не только едой, но и электричеством, что вырабатывается другими существами, в свою очередь подпитывая их своей энергией. Однако, Авал чувствовал, что это притянутые объяснения, словно ученик, что не выучил урок пытается как-то объяснить своими словами, и придумывает немыслимые доводы учителю.

Большинство Албардцев проживало примерно посередине

не между ядром и мерзлотой. Тут было достаточно пищи, не так холодно, как у поверхности мерзлоты и не так опасно, как возле ядра. Кстати, по мнению религии ядро было опасно для жизни не из-за излучения, что исходит из его центра, а потому что оно святое творение и содержит крупицу бога. Про мерзлоту же никто ничего сказать не мог, все сходилось во мнении, что она бесконечна. Было несколько экспедиций исследователей, они подходили к мерзлоте, измеряли ее температуру и даже отправляли вибрацию в сторону от ядра. Однако во льдах было столько трещин, что эхо не принесло никакой новой информации. Пробовали даже растапливать лед, пробираясь все дальше и дальше, но и эта миссия провалилась.

Любой школьник знал, что диаметр ядра составляет триста тавиль, а диаметр внешней сферы примерно двадцать тысяч тавиль. При этом, если подплыть к ядру, то вода отгаливала тебя от него. Примерно сотню лет назад религия пошла на уступку и согласилась, что это физический процесс, а не проявление святой воли, а если плыть в сторону мерзлоты, то тебя начинало тянуть к ядру. Одновременно с этим менялось давление, у ядра вода была теплее, но одновременно и более плотной, а у мерзлоты плотность сильно падала вместе с температурой. Школьные эксперименты доказывали, что все должно быть в точности наоборот, и тут религия пока брала верх и объясняла это силой божественной искры, что удерживает жизнь в их мире.

Авал не был верующим по-настоящему, он допускал, что раз есть разум, то может существовать и что-то больше, чем разум. Он хорошо разбирался в одноклеточных организмах, ведь это была его специализация в школе. Одноклеточные не обладали ничем, вся их жизнь протекала в поисках пищи и делении: “ешь и размножайся”, – вот их жизненный девиз, который описывал всю жизнь. Многоклеточные организмы насчитывали более сотни видов, многие из которых были пригодны в пищу. Они также проводили свою жизнь в поисках пищи и размножении, при этом чем крупнее было существо, тем дальше от ядра оно плавало. Получалось несколько биосфер, которые тоже проходили в школе. Моносфера – где обитают одноклеточные. Полисфера – где живет планктон питающийся одноклеточными, и наконец биосфера – где живут сложные многоклеточные существа, в том числе и албардцы. Насколько было известно, дальше не жил никто, ученые обнаружили несколько видов одноклеточных, что обитали у самой кромки мерзлоты, но это скорее исключение, а не правило.

Однако, Авал не был до конца согласен и с учеными. Его учитель – Кадим всегда весело смеялся, когда Авал в своих беседах с ним приводил неопровержимые доводы, а затем разбивал их в пух и прах, не забывая при этом похвалить его пылкий ум.

– Слава Ядру, что у меня есть такой ученик как ты, Авал! – Любил повторять он, когда Авал весь вибрировал от напря-

жения во время спора. – Главное, чтобы ты не убил меня током, во время доказательств, а остальное я готов стерпеть.

– Вы так говорите, потому что знаете ответ на любой мой довод? Вам нравится, что я постоянно ошибаюсь да?

– О нет! Мне нравится, что ты споришь! Пытливый ум обязан все ставить под сомнения, Авал. Что проку от того, что ты запомнишь все, что я и другие ученые тебе рассказали? Думаешь мне интересно слушать, как ты пересказываешь мне то, что я сам тебе говорил? Поверь, мне для этого не нужен ученик, я и сам прекрасно могу повторять одно и то же.

– А какой прок в спорах, если все мои догадки это словно... Словно детские вопросы, от которых вы отмахиваетесь как от планктона? – Авал искренне переживал, что он так старался сформулировать свою мысль, а она оказалась бредом и ему это наглядно продемонстрировали.

– Отмахиваюсь? Что ты... Я не отмахиваюсь, я слежу за твоими мыслями и очень рад, что они у тебя есть! Ты молод, твой разум свеж, и он словно яркий фонарь освещает твой путь в этом лабиринте из пещер знаний. Все, что я пытаюсь сделать, это избавить тебя от тупиков, я ходил этими лабиринтами, также как ты. Но я не дошел до конца и ты не дойдешь, но пройдешь дальше. Просто всякий раз, когда ты пытаешься свернуть в тупик и я это знаю, я стараюсь тебя остановить. Я уже там был, нет никакого смысла тратить еще и твое время, жизнь длинна, но не бесконечна.

– Простите, учитель, но раз вы уже везде бывали, какой смысл мне идти по этому лабиринту?

– Ты опять ошибаешься, – сказал Кадим и снова рассмеялся. – Лабиринт знаний бесконечно велик! Ни я ни ты ни весь Албард вместе взятый никогда не пройдет его до конца, это прекрасное бесконечное путешествие, которое никогда не закончится. Ты сделал правильный выбор, было бы очень обидно, будь ты ловцом айоли или разводчиком планктона.

– Но я постоянно ошибаюсь, еще не было и раза, чтобы я сказал что-то путное.

– Конечно! А как же ты хотел? Вспомни как ты учился плавать или говорить, ты постоянно делал что-то не то, но в конце концов ты научился! Мы все учимся через ошибки, набивая шишки, проигрывая, упираясь в стену. Моя задача лишь направить тебя туда, где я оказался сейчас. Быть может и я ошибаюсь и все мои знания лишь одна сплошная ошибка, и когда-нибудь я с радостью это признаю.

– То есть вы тоже ошибаетесь? – Авал всегда был рад учиться, но не ошибкам, какой прок учится ошибкам?

– Все могут ошибаться, это наша природа. Благодаря ошибке появились одноклеточные, благодаря ей же появились и мы с тобой. А быть может и разум. В ошибках нет ничего дурного. Главное, не совершать одну и ту же ошибку постоянно, надеясь, что в какой-то момент будет другой результат. Авал, ты еще мало знаешь, но твой ум пытлив, и ты им правильно пользуешься. Твое незнание и есть твоя сила!

– Что? Моя глупость? Я думал моя сила в моих знаниях и предположениях.

– Вот именно! В предположениях... Понимаешь, я давно живу и много знаю, самое ужасное, что я знаю, чего не может быть. Это подобно смерти для ученого, понимать, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Твоя сила в том, что ты этого еще не знаешь. Ты не понимаешь, что эта проблема не решается, а я, к своему стыду, знаю, что решения нет.

После бесед с Кадимом Авал всегда возвращался в семью подавленным, словно ему давали понять, как много знаний он еще не впитал, как много ему предстоит еще узнать. Иногда ему даже казалось, что картина мира высечена из льда и непоколебима, что все давно проверено, измерено и понято. Он разочарованно искал ошибки в собственных предположениях, но вместо этого находил новые. Каждый раз его идеи зарождались, словно семя, попавшее на благодатную почву. Они росли, крепили и в какой-то момент он больше не мог сдерживать их и ему надо было с кем-то поделиться. В такие моменты он обычно обращался к Кадиму и выкладывал ему все свои доводы. Рассказывая, он начинал с тех основ, что были известны всем и считались аксиомой, но по мере рассказа он уходил все дальше и дальше от общепринятых знаний и развивал свою линию. В какой-то момент Кадим, обычно, начинал весело вибрировать, а затем и вовсе открыто смеяться. Тогда Авал останавливался, замолкал и смирен-

но ждал разъяснений учителя.

В этот раз, он хотел попробовать рассказать все Шакин, быть может она, не перегруженная всеми теми знаниями сможет его понять. Это было для него очень важно, чтобы хоть кто-то смог его выслушать до конца и понять то, что понял он. Даже если все не так, он устал от отсутствия единомышленников. Но она обиделась и ушла, впрочем... Она лишь сделала вид, что ушла, вокруг было очень тихо и он чувствовал ее. Она так сильно злилась, что от мыслей раздражды металась вдоль ее тела помимо ее воли и их было легко уловить. Он не видел ее тепла, для этого она была все же далеко, но отлично слышал электроимпульсы ее раздражения, особенно в самом начале. А сейчас, она успокоилась и медленно приближалась к нему, стараясь не двигаться, он даже начал чувствовать ее тепло.

– Шакин, поди сюда, я не обижаюсь... – Тихонько сказал Авал, направив эмиттеры точно в ту сторону, откуда исходило тепло ее тела.

– Это мне положено обижаться... – Угрюмо сказала Шакин медленно подплывая к Авалу. – Ладно уж, рассказывай, что ты там хотел?

– Только пообещай дослушать меня, ладно? Ты можешь верить или не верить, но главное не останавливай меня, потому что я хоть кому-то должен рассказать все от начала до конца.

– Рассказывай уже, там видно будет. – Шакин широко рас-

ставила плавники и расслабила тело, позволяя случайным потокам мягко колыхать ее то вверх, то вниз.

– Меня давно мучают два вопроса. Первый – мы все знаем, что в центре Албарда есть горячее ядро, но почему оно находится именно в центре? Что удерживает его там? Почему его не сносит потоком куда-нибудь в сторону?

– Первый? Это больше, чем один вопрос. – Заметила Шакин, намекая на нестройность повествования.

– Нет, я же сказал: “Почему?”, – это и был первый вопрос.

– Хорошо, а второй? – Спросила Шакин без особого интереса, скорее просто из вежливости и немного из любопытства.

– Если уплывать по прямой от ядра в любом направлении, то наткнешься на лед, я знаю, что его пытались растапливать, но ничего не вышло, тем не менее, граница льда не стоит на месте, она то приближается, то удаляется от ядра, но и там невозможно находится без движений, тебя начинает тянуть к ядру.

– И в чем тут вопрос? Опять: “Почему?”, – да?

– Вот именно! Почему граница меняет свое положение, что заставляет замерзать воду? Ведь если отколоть кусочек льда, то он в воде начинает таять. Он не замораживает воду вокруг себя. Выходит там, за льдом есть что-то еще более холодное.

– Ну это и так все знаю, там бесконечная мерзлота. Ученые предполагают, что где-то могут существовать другие яд-

ра и они даже стучали по льду, чтобы передать сигнал этим самым другим ядрам, но ответа нет. Лишь изредка трещины во льду раздаются треском, но не более того.

– Да, ты отлично училась в школе, но послушай, что я подумал. А что, если, вокруг нас не бесконечная мерзлота, иначе бы лед все время таял и пространство вокруг становилось бы все больше и больше. А еще, почему давление в воде у ядра больше? Такое ощущение, что вода притягивается к ядру, но что ее туда может притягивать? А еще непонятно, почему лед не притягивается? Отколотый лед плывет прочь от ядра.

– Ну ты как маленький, тут все просто, лед менее плотный, его ядро отталкивает, это же притяжение, его все школьники знают. Ядро притягивает более плотное к себе, а менее плотное отталкивает. Ведь оно самое плотное, а в нашем мире, как известно, подобное всегда движется к подобному. Планктон плотный, он ближе к ядру, айоли и другая еда дальше, и чем крупнее, тем дальше от ядра. Ты и правда как маленький...

– А что там, за льдом? Раз ядро самое плотное, что может быть за льдом?

– Как что? Лед... Весь мир это лед, потому что единственный известный нам источник тепла это ядро. Если и есть другие источники тепла, то они очень далеки от нас, бесконечно далеки.

– Я отказываюсь верить, что весь мир это лед, что же это получается, у нас бесконечное количество льда? Нет, я не

верю в это!

– Значит, по-твоему, мир конечен?

– Мир не знаю, но лед конечен, а дальше должно быть что-то другое. – Авал не мог объяснить, как пришел к такому выводу, правильнее всего было бы сказать, что он чувствовал это.

– Авал, поговори с Кадимом, он знает, что тебе ответить.

– Да я уже говорил, он не хочет даже слышать об этом, смеется только...

– Поговори с Хаком, помнишь его? Вы вместе учились.

– Типа твой старший брат?

– Мой троюродный старший брат, у нас с ним ничего общего. – Шакин вдруг вспомнила почему Авал с ним не общается. – Он просто хотел тебя разыграть, ничего у нас не было и быть не могло.

– Конечно, я все помню.

– Смотри сам, не хочешь, как знаешь. Но он бы тебя выслушал, по крайней мере ему было бы что возразить.

– Почему ты думаешь, что мне нужно возражать? Мне нужен кто-то, кто сможет мне поверить, а не возразить. Возразить я и сам могу, вся наша наука мне возражает, да и религия тоже.

– Попробуй, Авал, терять все равно нечего, а вдруг он тебе поможет? Натолкнет на какую-нибудь мысль? Ты же сам говоришь, что иногда хороший соперник лучше союзника.

– Хорошо, давай завтра, я уже давно без сна, мне пора в

семью.

– До завтра Авал. – Плавник снова предательски вздрогнул, когда Шакин представила, как было бы прекрасно, будь она и Авал семья.

Шакин мягко оттолкнулась верхними плавниками, стараясь не касаться Авала, хотя ей очень этого хотелось, перевернулась на спину и поплыла прочь, еле заметно отталкиваясь широким, элегантным хвостом. Авал смотрел на ее тепло, он чувствовал, как напрягается каждая ее мышца, она ему очень нравилась. Ее грациозное тело он бы узнал из тысячи, а быть может даже из всех обитателей Албарда. Сейчас она практически не двигалась, лишь медленно удалялась. Из этого амурного оцепенения Авала вывел косяк какой-то мелочи, что нахально проплыл прямо вокруг него. Авал резко дернул головой и ухватил несколько рыбешек зубами, об ужине уже можно было не беспокоиться. Любой албардец знал, что выгуливать ферму вблизи граждан считается моветоном и Авала за такой поступок никто не осудит. Будь хозяин этой фермы поблизости, он бы еще и извинился за то, что не углядел за ними.

Так или иначе, но пора было спать, а до совершеннолетия это принято делать в семье. Впрочем, в их семье, помимо детей и родителей, состояли еще пятеро, это были две бабушки, два прадеда и один прапрадед. Прапрадед был так стар, что помнил время, когда наука была под запретом и за инакомыслие могли сурово наказать, выслав на отлов планкто-

на или поиски тонких водорослей возле ядра. Раньше мало кто заботился о вреде излучения, а быть может о нем просто ничего не знали.

Глава 2. Смерть звезды

Где-то далеко, на задворках вселенной существует галактика, она, как и положено галактикам включает миллиарды звезд. Названия у этой галактики не было, потому что в те времена еще не существовало глаз способных наблюдать ее. Речь идет об обычной спиральной галактике, ничем не отличающейся от любой другой. Раз в несколько дней в ней появлялась новая звезда, примерно с той же периодичностью какая-то звезда умирала. Однажды, примерно семь миллиардов лет тому назад, в галактике вспыхнула новая звезда. Это была обычная звезда, чуть больше солнца, она ярко светила и вокруг нее сформировалось несколько планет. Однако, в этой звездной системе оказались только газовые гиганты, и первый из них располагался так близко к звезде, что никакие залетные планеты не смогли найти свое пристанище на орбитах. Любая планета, что прилетала к этой звезде неминуемо поглощалась местными планетами или даже самой звездой.

Время шло, звезда по-прежнему ярко освещала планеты, но в какой-то момент ее топливо начало подходить к концу. Температура фотосферы стала опускаться и цвет звезды перешел в красный спектр. До самого конца в системе так и не зародилась жизнь. Быть может, будь в этой системе хотя бы одна твердая планета, расположенная в нужном месте, и все было бы иначе. Но увы, судьба распорядилась так, что во

всей системе насчитывалось всего четыре газовых гиганта. Помимо них в системе было много ледяных глыб, что вращались сразу за орбитой четвертой планеты. Света звезды не хватало на то, чтобы растопить лед, но, если бы кто-то мог взглянуть на это кольцо со стороны, то удивился бы его красоте. Оно выглядело как плоский диск вокруг звезды. Само собой, те осколки что были помельче, истлели за миллиарды лет и превратились в обычные астероиды, но большинство крупных кусков остались практически нетронутыми.

Звезда медленно умирала, ее масса не позволяла красочно взорваться, превращаясь в сверхновую, расплескав краски всех цветов по космосу вокруг себя, на зависть соседям. Этот комок плазмы ждала участь простого белого карлика. В один прекрасный день, впрочем, для звезды он был не так уж прекрасен, звезда сбросила свою внешнюю оболочку, и та полетела прочь, медленно выжигая атмосферу газовых гигантов удаляясь все дальше и дальше от звезды. Масса оставшегося карлика была значительно меньше и газовые гиганты, словно грозные космические корабли, давно заждавшиеся в порту, двинулись в путь. По случайному стечению обстоятельств примерно в это же время происходил “парад планет”, из-за которого и произошли странные метаморфозы.

Лед, миллиарды лет летавший вокруг звезды, расплавился и превратился в огромные водяные капли, те поглотили все разнообразие элементов, что улетали от звезды в раскален-

ной внешней оболочке. Капли начали объединяться в более крупные объекты и потянулись вслед за газовыми гигантами прочь от угасающей звезды, как за самым сильным источником гравитации. Однако планеты вращались ближе к звезде и их скорость была значительно выше, отчего они сработали как пружина, что тянула за собой огромный водяной шар, но в какой-то момент лопнула и планеты умчались вдаль, оставив одинокий шар посреди безжизненной пустыни космоса замерзать в одиночестве.

Капли помельче, оставшиеся на орбите, вновь превратились в ледяные глыбы и вернулись к своим истокам. А самая крупная капля покрылась ледяной коркой, но благодаря теплоемкости воды долго оставалась жидкой внутри. В центре этой капли находилось твердое ядро, состоящее из оксида урана и пористых структур. Вода проникала внутрь, торმოшила нейтроны испускаемые более радиоактивным двести тридцать пятым ураном и превращала ядро в естественный ядерный реактор. Цепная реакция быстро нагревала воду и та, испаряясь вновь осушала ядро, останавливая реакцию. Ядро было достаточно больших размеров и запаса топлива ему хватило на миллионы лет, в то время как гигантская капля мчалась все дальше и дальше от родной звезды падая по спирали, в центр галактики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.